

Всю ночь Екатерина проплакала — тихо, глуша всхлипы подушкой. Но верно говорят, что слезами горю не поможешь, и к утру женщина только извела себя донельзя и растерялась вовсе. Что делать? Как жить дальше? Если бы не деточки...

Ребятишек своих Екатерина любила самозабвенно. Все сладкие кусочки, что изредка перепадали семье, делила она между ними, сама же старалась скрытно от них перехватить картошки с куском хлеба да с луком или пустого супчика. Дети от такого питания, ясное дело, не цвели румянцем, а Екатерина и вовсе дошла: исхудала, вокруг тоскливых глаз чернота, лицо бледное, мертвенное — ни оживления на нём, ни улыбки. Посмотришь на бабочку со стороны — ни дать ни взять малоумненькая. А рядом почти всегда, неотстанно, обряженная во что попало, малолетняя её троица: Павлику семь годков, Полюшке пять, а последней, Анюточке, только третий пошёл. Да и как их оставишь одних, если сожитель её, Николай, на дух не переносит ребячьей возни, бьёт детей чем ни попадя, обзывает такими грязными словами, за какие взрослые люди друг дружке и кровь при случае пускают? А запуганная малышня даже и реветь боится: знают ребятишки, что тогда ещё хуже будет.

Плачет Екатерина, совсем тихо плачет, таё слёзы не столько от детей, сколько от Николая. После вчерашней попойки и дебоша он ещё не очухался, только ворочается с боку на бок: видно, скоро проснётся. Вот тогда держись!

Женщина встала с кровати, ладошкой растёрла по лицу слёзы, немного посидела в раздумье. Потом, погладив по голове старшенького, Павлика, стала осторожно будить его, приговаривая шепотком:

— Вставай, моё солнышко, помоги мне, сынок...

Мальчик открыл глаза, присел на кровати и привычно, ни о чём не спрашивая, стянул со стоявшего рядом стула одежонку и стал надевать штанишки — тоже молча: он без слов понимал, что значит эта тихая мамина просьба. Так же

осторожно разбудила Екатерина и старшую дочку — Полю. Павлик помог сестрёнке одеться, а мать в это время скидывала в большущую сумку вещи — всё, что лежало в комнате, что попадало под руки. Идти туда, где спал Николай, она не решалась. Застегнув на сумке молнию, надела уже изрядно поношенное зимнее пальтишко с порыжевшим песцом, замотала голову такой же повывавшей виды шалёнкой. Красивые и дорогие вещи уже давно были проданы, donaшивала то, что добрым людям не было нужно. Напоследок, выставив в сени старших детей и вынеся туда же сумку с вещами, Екатерина стала одевать сонную Анюту. Девочка хотела спать, не понимала, зачем её будят, но не кричала: в этой семье у детей не было привычки капризничать.

Осмотревшись, Екатерина сдёрнула с кровати небольшое ватное одеяльце и завернула в него малышку: курточка на девочке была тоненькая, осенняя, а на улице стоял мороз.

Так же тихо, как и собирались, женщина и дети вышли из сеней, пересекли двор и, только выйдя за калитку, обернулись, потому что в окнах той комнаты, где «отдыхал» глава семейства, вспыхнул свет. Все сразу поняли: надо торопиться.

— Мама, а куда мы пойдём?

Павлик тревожно ловил мамин взгляд, ища в её глазах ответ. Полина молча перебирала ножками, держась за полу Екатериного пальто: вечером выпал снег; утром, спозаранок, по дороге ещё никто не ездил, и идти по снегу было тяжело. Маленькая Анюта, завернутая в одеяльце, досыпала на плече у матери.

Куда же деваться с детьми хотя бы на пару часов? Если Николай выйдет сейчас на улицу, то по следам легко догонит сбежавшее от него семейство. А потом? Придётся вернуться обратно — в опостылевший дом? Нет, в этот раз Екатерина так не поступит, пусть её хоть убьют.

Сзади слышались конский топот и скрип саней по снегу — Катерина с детьми сошли на край дороги. Напротив них кони остановились. В санях, на куче сена, сидел знакомый Екатерине дед Петрович. Воротник его полушубка и цигейка на шапке белели изморозью.

— Здорово, Катерина! Ты не одурела ли — ребят по такому холоду таскать?! Вчера мороз ударил, а ночью снегу

навалило — и кто бы ждал! Неправильная нынче погода. Чего тебе не спится? Ещё и шести нету!

Катерина молчала. От громкого голоса Петровича проснулась Анюта, завозилась. Пришлось поставить сумку на снег, чтобы двумя руками поддерживать девочку, завёрнутую в одеяло.

Заметив большую сумку, Петрович всё понял:

— Опять хозяин твой воюет?

Катерина молча, поджав губы, кивнула: да, дескать, воюет.

— Да что ты за бабочка за такая? Сколь в тебе этого женского терпенья? Бросила бы давно этого рыжего наглеца! Неужто некуда больше податься?

— Раньше мама была...

— Как это была? А сейчас?

Екатерина поняла, что ответила неуклюже.

— Мама умерла перед моим отъездом сюда. А иначе я бы, наверно, не решилась...

— Вот что, мамаша, давай-ка полезай со своей ребятиной в сани! Отвезу тебя к себе домой, старуха моя хоть чаем вас напоит. Колька, поди-ка, не докумекает к нам притащиться искать тебя.

Жил Петрович на другом конце деревни: может, и правда Николай туда не пойдёт? А Павлик с Полиной уже в санях. И сумку затащили. Екатерина подсела к детям.

Избушка у Петровича небольшая: горница да кухня, чуть ли не половину которой занимает русская печь, с ней старики никак не желали расставаться. Вот на эту печку и посадили ребяташек.

— Грейтесь давайте, покуда я кашу вам запарю! — приказала супруга Петровича — тётка Наталья.

Екатерина вывернула из одеяльца пробудившуюся Анюту, посадила её к старшим детям на печку. Петрович куда-то увернулся из избы.

— Снег пошёл чистить, покуда не притоптали, — пояснила бабка Наталья. — А после на Центральную поедет, за внуками: каникулы у них. Коня вон управ дал на утро.

— На Центральную... — Екатерина ненадолго призадумалась. — А может, и мне туда с ним доехать? В сельсовет схожу, вдруг чем помогут...

— Ох, девка! Ты, говорят, грамотная, да, видать, жизнь тебя ничему не научила. Ну кто тебе поможет?

— К Шаркову пойду или к участковому, что ли...

— Нужны мы тому Шаркову! Разве что участкового захватишь? Мужик он правильный, только и хлопот у него немало — замотался: везде людей забирают...

— Бабушка Наталья, да мне хоть бы к кому попасть. Жизнь моя пропащая ничуть уже мне не дорога, да вот дети... — Екатерина закрыла лицо руками, заплакала громко, навзрыд, не таясь.

— Ну поплачь, поплачь... А что жизнь тебе не дорога — не грехи так говорить, не познав всего. Отчаялась ты, девка... Что-то долго Петрович мой со снегом возится!

Тётка Наталья набросила на плечи потёртую фуфайчонку, вышла в ограду. Вернулась скоро.

— Ну и Петрович! Прямо как партизан: весь снег до другого края дороги сгрёб — следы ваши замёл. Ну и партизан! Каша-то готова, Катя, давай-ка поешь горяченького вместе с Петровичем, а то ехать пора. За ребятишек не бойся, я досмотрю. Поезжай с Богом, может, толк какой будет. Деньжонки-то у тебя есть хоть какие-нибудь?

— Деньги? Есть маленько... Мамину-то квартиру соседка досматривает, квартирантов пускает. Хоть Коля и не велит почтальонке отдавать переводы мне, да порой случается перехватить её... Колечко вот — мамин подарок — спрятала, сберегла на случай... Может, продам... на билеты... Обратно бы мне добраться — в город свой... Хоть в какой бедности жить, но спокойно, без страха...

— Без страха, говоришь? Так не бывает, Катя, всё кто-нибудь захочет страха на нас нагнать... Но Колька-то твой — это уж такой бандит, что и не приведи Господи!

До Центральной недалеко — семь километров по дороге через березняк. От неё до трассы, где проходят машины и автобусы с прииска, ещё пять километров. Екатерина, сидя в санях, размышляла о том, как она со своей малышняй станет добираться до трассы, если в сельсовете ей никто не поможет. После того, как отнеслись к ней и её детям в семье

Петровича, хотелось думать только хорошее, верить в человеческую доброту.

— Вот, прибыли, Катерина! — Петрович остановил коня возле сельсовета. — Дверь вроде не закрыта — видать, хозяин на месте. Он рано приходит: хмель давит с утра. Прибежит, наорёт на всех, проявит своё «трудолюбие», позвонит начальству, как будто посоветоваться хочет... Ну, в общем, покажет, что работает, да и домой — похмеляться. Начихать ему, что люди не слепые, видят: машинёшка сельсоветская весь день возле его дома торчит, как прилеплена. А то ещё к полюбовнице своей прям на работу заявится, вместе похмеляются... Сейчас-то, наверно, начальников разговорами донимат или кого работать учит, любит он это... За грехи наши нам начальство тако, видать...

Всем в деревне, да и дальше, было ведомо, что не любит Петрович местное начальство. От этой самой нелюбви может и лишнее сказануть.

— Спасибо вам, Петрович, за подвоз. Обратнo-то я уж сама добегу.

— Добежишь... Зима, и лес кругом... Подожду я тебя, да и внуки пока соберутся...

Петрович завернул коня, направился к сыну.

В сельсовете никого не было, только из кабинета «хозяина» раздавался насмешливый голос:

— Денег, говоришь, нет на это? А ты поучись у меня — лопатой грести будешь, и не только на это хватит...

На другом конце провода, наверно, возражали, и в ответ опять звучала насмешка:

— Не хочешь ты меня, Леонидыч, понимать. Депутатов своих боишься? А ты учишь у меня депутатов назначать... Не-не, не выбирать... Это только недотёпы позволяют выбирать, а умные сами назначают, за кого народ проголосовать должен. В кармане у меня депутаты, кручу-верчу!.. Ты первый год работаешь — пугливый...

Наконец телефонный разговор, смачно сдобренный смешками и матерщиной, закончился, и Екатерине показалось, что из кабинета потянуло табачным дымком. Вот теперь, пожалуй, можно и зайти. Женщина несильно постучала в дверь. Ответа не было, но слышалось, что

отодвинули кресло; открылась дверь — в проёме появился тучный «хозяин», а с ним и густой запах одеколона, который ничуть не заглушал водочного перегара.

— А ты тут чего торчишь спозаранок? Подслушиваешь? Расселась, уши развесила!

Однажды Екатерина уже посещала этот кабинет. Тогда она только что родила Анюту, была хороша собой и помнила, что зовут её Екатерина Николаевна, что у неё высшее образование и хорошее воспитание. В тот раз Шарков, побегав по ней масляным взглядом, предложил напрямую: «А давай, красавица, отдохнём на природе, и все твои проблемы я завтра же решу!» Тогда Екатерина просто повернулась и вышла из кабинета. Сейчас ситуация была другая, но чувство собственного достоинства, ещё не донца истреблённое убожеством жизни, диктовало Екатерине: «Повернись и уйди! Здесь толку ждать не приходится!» Но женщина помнила о детях и потому молча стерпела хамство чиновника. Может, «хозяину» пришлась по сердцу видимая покорность женщины, а может, ему захотелось ещё над ней покуражиться, поглумиться — кто его знает, но Екатерина была «приглашена» в кабинет.

— Садись. Что тебя сюда пригнало ни свет ни заря? Я вот на работу прихожу рано, мне так положено, а тебе чего не терпится? Чего молчишь?

Говорить уже не хотелось. Почему-то стало стыдно жаловаться на свою жизнь, но деваться было некуда.

— Да знаете вы мою беду, Роман Викторович...

— Знаю? Удивляюсь я на тебя! Вас много, я один — мне что же, про всех помнить? Давай говори уж!

— Жизни нет, муж пьёт, не работает, бьёт меня, детей. Еды в доме нет. Помогите...

— А я при чём? Вы работать не хотите, лодырничаете... — хозяин кабинета хихикнул. — А мне вас кормить, что ли? Я слышал, у тебя высшее образование...

— Да, я экономист, работала в лёгкой промышленности.

— А-а! Экономист! Работала... А теперь, выходит, бичуешь... с высшим образованием... — в жёлтых глазах хозяина кабинета запрыгало раздражение.

Он до одури завидовал тем, у кого было высшее образование, и вот их-то любил поучать больше всего: пусть чувствуют, кто они и кто он.

— Да не могу я работать: ребёнок у меня маленький, болеет часто, старших детей некуда девать, детсада нет.

— А зачем вы сюда приехали, раз здесь всё так плохо? Возвращайтесь туда, откуда явились. А дом освобождайте: жильё это сельсоветское, давалось твоему сожителю на время работы в котельной, вы там даже не прописаны. Для всяких проходимцев у меня жилья нет. Всё, до свиданья! Слышишь, мои люди пришли на работу? Сейчас планёрка начнётся...

В коридоре стояло несколько простых деревянных скамеек, на них уже примостились посетители. Подсела к ним и Екатерина: может, получится участкового дожидаться. Женщина, оказавшаяся рядом, окинула Екатерину критическим взглядом и отодвинулась, а потом и вовсе пересела на другую скамейку.

Катерине почудилось, что тело её немеет, становится чужим, и вся жизнь её в последние годы тоже стала казаться чужой. Росла, училась, влюбилась, вышла замуж за хорошего, заботливого человека, родила двух детей — это её жизнь. А дальше — чужое: смерть любимого мужа, раннее вдовство, смерть матушки, знакомство с Николаем — сестра сродная удружила, помогла, называется... Наивная, не привыкшая к подлости... Николай с порога заявил, что приехал к ней не в гости, а мужем — на всю жизнь. Поверила. Сразу, легко поверила, потому что устала от проблем, которых раньше не знала. Поверила, что скоро распишутся. Поверила, когда Николай сказал, что надо продать квартиру и поехать работать на золотые прииски, где на свежем воздухе купят дом или построят новый. Даже прииск назвал и имя-фамилию начальника, который ему якобы хоть и не сильно близкая, но всё же родня. Доверила скороиспечённому «мужу» вырученные за квартиру деньги, потому что в голову её даже мысль не могла прийти, что проиграет он их в карты, прокутит в тёплых краях, да и исчезнет. Даже переселившись с детьми в однокомнатную квартиру своей матери, продолжала верить, что Николай лучше знает, как устроить семью.

Поняв, что носит в себе новую жизнь, стала разыскивать беглеца. Он заявился сам, оставшись без единого рубля в кармане; рассказал слёзную историю, из которой Катя узнала, что Николай был дважды судим и теперь вот встретился случайно с бывшими сокамерниками, которые чуть не убили его. Долго плакала, почувствовав неправду. А Николай, выпросив у Кати денег, опять уехал, после прислал письмо, сообщил, что капитально устроился и ждёт её. Екатерина с двумя маленькими детьми как на крыльях полетела в неведомые ей сибирские края. И приехала... в гнилую, продуваемую всеми ветрами избушку. Через три месяца родилась Анюточка. Николай вскоре бросил работу, но пьян был каждый день. Семья стала голодать, Николая это бесило, он избивал Екатерину, заставлял продавать вещи, обижал детей. Молодая, красивая, ухоженная женщина очень быстро превратилась в безгласную серую тень. При этом она всё же осознавала, что вот-вот настанет тот день, когда жить для неё станет невозможно. И такой день настал: жить негде, детей кормить нечем; тот, кому безоглядно поверила, стал врагом. И последним всплеском воли Екатерина решила вырваться из ада, в котором оказалась. Или — не жить.

Екатерина вышла на улицу, тут и Петрович с внуками подъехал. Женщина молча забралась в сани. Петрович понукал лошадей и за всю дорогу ни о чём не спросил. Дети, мальчишки лет восьми-девяти, сначала шутили, баловались, но потом, видимо, почувствовав своими добрыми сердцами чужую беду, примолкли.

Бабушка Наталья внукам обрадовалась, начались целования-обнимания. Екатерине кивнула:

— Спят твои на печке, пригрелись.

«Ну что же, пусть поспят. Когда ещё придётся в теплоту?» — подумала Екатерина.

— Ты раздевайся, Катя, чаёвничать будем, — тётка Наталья подтолкнула Екатерину к накрытому столу.

— Ой, знаете, если можно, я попозже, а вы пока с вашими внуками пообщайтесь. У меня дело одно есть, я быстренько!

— Смотри, Катя, Кольке своему рыжему на глаза не попадись! — напутствовал Петрович.

Вернулась Екатерина и вправду быстро. Чувствовалось, что она чем-то довольна. Так это и было. Продавщица из деревенского магазина купила у неё кольцо. Покуражилась немного, сбивая цену: мол, камень меня не интересует, хоть, может, он и дорогой, — но кольцо всё же взяла. Теперь есть деньги — немного, но как-нибудь доберётся с детьми до района, а там сядет на поезд.

Из-за стола Екатерина выскочила быстро, стала будить детей, одевать их. Петрович понял: гостя что-то задумала.

— Куда это ты, Катерина, навострилась так быстро?

-А мы, Петрович, домой поедем... Доберёмся до трассы, а потом на автобусе до района, там — на поезд...

— Даёшь Бог, конечно... А денег у тебя сколько?

— На билеты, думаю, хватит!

— Билеты билетами, а ребят-то ещё и кормить надо будет, — Петрович покосился на супругу. — Знаешь, Катерина, есть у меня небольшая заначка, откладывал на одну рыбацкую штуковину, но тебе отдам с лёгким сердцем. Сможешь — вернёшь, не сможешь — не обеднею, а так просто мы тебя не отпустим. Так ведь, жена?

— Так, Петрович, так, — поддакнула тётка Наталья и смахнула слезу. — Как ещё-то?

— А до Центральной-то я вас подвезу на лошадке, небось, не съест управляющий, он у нас мужик с понятием.

Когда все пристроились в санях, тётка Наталья сунула Екатерине объёмистый узелок с едой:

— Пирог тут, яички варёны, молоко в бутылке — перекусите где-нито.

Мороз не ослабевал. Лошадь шагала бодро. В Центральной немного постояли: Петрович надеялся, что подвернётся какой-нибудь транспорт до трассы, где была автобусная остановка. И транспорт подвернулся: остановился зелёный «москвич», за рулём сидел знакомый Петровича с супругницей. Мужчина согласился подбросить Екатерину с детьми до остановки, тем более что он и сам туда ехал, чтобы встретить с автобуса гостя — племянника жены:

— Как раз к автобусу и подъедем, а следующий-то только вечером будет.

Жена водителя добавила:

— Только вы немного подождите, мы сейчас до дому доедем, машину подзаправить надо. Да, Толя?

«Москвич» юркнул в боковую улицу, а Петрович, попросившись с Екатериной и её семейством, с лёгким сердцем отправился домой. Прошло минут двадцать, дети стали зябнуть, а зелёный «москвич» не появлялся. Не желая верить в дурное, Екатерина решила, что надо двигаться вперёд: раз обещали подвезти, то догонят и подвезут. Екатерина несла младшую дочку и тащила сумку, узел с едой нёс Гена, а Полина всё старалась ему помочь, но выходило так, что только мешала. Выбрались за посёлок, остановились передохнуть. Хоть бы кто мимо проехал! На дороге пусто: мороз, люди ездят только по большой нужде. Прошли ещё немного, опять отдохнули. И ещё немного... Нести в одной руке Анюту, а в другой сумку с вещами Екатерина уже не могла. Она достала из сумки простыню, разорвала её на три широкие полосы, серединой получившейся верёвки зацепила за ручки сумку, а концы связала и набросила себе на плечи, как лямки рюкзака. Теперь женщина могла волочить сумку по дороге и обеими руками держать Анюту. Прошли ещё немного... Навстречу попался тот самый зелёный «москвич», хозяин которого обещал их подвезти. Его жена сидела рядом. Увидев семейство Екатерины, стала смеяться: ей, сытой, в тёплой машине, было смешно смотреть на убогих путников. В переднее стекло было видно, как муж ударил её по руке, когда она, желая привлечь его внимание к потешной картине, стала показывать в сторону Екатерины.

Наконец, за последним поворотом дороги, показалась остановка — нехитрое строение из кирпича: три стены, перекрытые сверху бетонной плитой. Екатерине показалось, что кошмар в её жизни вот-вот закончится, потому что страданиями своими она заслужила иную долю. А руки уже не могли держать младшую дочку. Тогда женщина расстегнула сумку, посреди набросанного в неё тряпья намяла ямку и посадила в неё ребёнка. И опять на лямках тянула сумку по снежной дороге. Так и добрались до остановки. И без часов было понятно, что дневной автобус давно прошёл, а следующий ещё ждать и ждать. Стены полой остановки не спасали от холода. Почти всё содержимое сумки было вынуто и намотано на детей, но

они всё равно мёрзли. Кругом стояла тайга, полно дров, но не было ни одной спички, чтобы развести костёр. Холодная еда тоже не согревала. Екатерина, черпая худыми валенками снег, перешла через поляну за остановкой, наломала елового лапника, притащила его, сложила горкой, посадила вокруг себя детей. Уставшие, они жались к матери, но согреться, сидя на холодных ветках, не могли. После обеда по дороге на большой скорости проехали три «уазика», один за другим: видно, какое-то начальство не то с охоты возвращалось, не то после проверок на руднике. Заслышав гул моторов, полузамёрзшая Екатерина стряхнула прилипших к ней детей и выбежала к дороге, но никто в промелькнувших машинах не обратил на неё внимания. Пожалуй, даже и заметить её не успели. Потом была только стылая тишина. И вдруг среди этой тишины сначала негромко, но потом всё явственнее стал слышен волчий вой. Он приближался, леденя материнское сердце. Дети тоже встревожились.

— Мама, это волки? — спросил Павлик.

Екатерина уже поняла: надо что-то делать. Вдруг волки выйдут прямо на остановку?

— Не знаю, сынок, может, собаки. Но в лесу они тоже опасны, особенно зимой, в мороз. Давайте заберёмся на крышу остановки.

— А как? — захныкала Полина.— Здесь высоко!

— Зато сзади, за остановкой, видите, какой высокий сугроб! И мы там вот что сделаем: Павлик встанет мне на плечи, а оттуда заберётся на крышу. Потом я тебя, Полечка, подсажу, а Павлик подтянет тебя за ручки. И останется только Анюту вам на крышу подать, она лёгонькая.

— А ты, мама? — у Павлика выступили слёзы.

— Да все вместе вы меня разом затащите на крышу! Ну, давайте, милые мои, давайте скорее, чтобы успеть...

Все трое детей были уже в безопасности, когда вой вдруг затих. Тишина стояла долго, и в сердце Екатерины закралась робкая надежда: а вдруг беда обойдёт их стороной, вдруг судьба сжалится над её семьёй? Но вот вой раздался справа, потом слева от остановки. Волки словно проверяли, все ли на своих местах. Они взяли намеченную жертву в кольцо. Екатерина похолодела. Она знала, что дети не смогут своими

слабенькими ручонками втащить её на верх остановки, она сама должна была позаботиться о себе. Неподалёку, метрах в пяти от дороги, торчала из-под снега суковатая валежина. Если её подтащить к остановке, прислонить к стене, то можно будет по сучкам забраться на крышу, где топчутся перепуганные дети. Надо к ним, надо успокоить их, чтобы кто-нибудь не оступился, не соскользнул вниз. Да, конечно, надо попробовать подтащить валежину к остановке! Екатерина ступила в снег. А сверху неслись крики:

— Мама, мамочка, куда ты?!

— Мама, не ходи туда! Там волки!

— Мама! Мама! Ну мама же!

Даже Анютка, мало что понимая, чувствовала беду и заходила в крике:

— Мама! Мама! Мама!..

Павлик с трудом сдерживал малышку, которая хотела слезть с крыши и идти к маме. Полина, уже охрипшая от громкого крика, осела в снег, занёсший крышу, и не спускала с матери глаз, скуля, как щенок, которому сделали очень больно. С той стороны, куда направлялась Екатерина, раздался вой — короткий, как команда. С одной, с другой стороны из наступающих сумерек к женщине наёмом приближались тёмные фигуры. Одна из них вылетела вперёд, перед лицом женщины сверкнули холодные жёлтые глаза. Мелькнуло последнее: «Я уже видела такие...»

Автобус подошёл минут через пять-семь. Водитель и пассажиры не сразу поверили в то, что предстало перед ними. На крыше остановки заходились в истерике трое маленьких детей, в нескольких метрах от остановки лежала окровавленная женщина, а через поляну в глубь леса цепочкой, след в след, не оборачиваясь, с достоинством удалялись три волка.

Позже выяснилось, что шофёр задержался с выездом на целых полчаса по просьбе одного влиятельного лица: из-за неисправности автомобиля два его приятеля, приехавших поохотиться на волков, вынуждены были возвращаться в город автобусом, но немного не успевали собраться...

Педиатр в боксе осматривала детей, когда туда вошёл главный врач.

— Ну, что скажете, Елизавета Алексеевна?

— Да что тут скажешь, Семён Иванович? Дети не пострадали... только вот нервы... А вообще-то удивляет: одеты в разное старьё, а чистенькие и вполне здоровые. Разве что у младшей девочки имеются некоторые признаки гипотрофии. Подкормим...

В бокс вбежала взбудораженная санитарка:

— Семён Иванович, Семён Иванович! Я не виновата, это он того, самовольно одетый прошлёпал в отделение и везде заглядывает — вас ищет! Уж я его и шваброй... И — ноль вниманья!

— Остановись, Галя! Кто он? Где он? И чего ты так раскричалась?

Дверь в бокс опять открылась, в проёме показался бородатый старик.

— Он! Он это, Семён Иванович! Пьяный, видать, не в себе он! Ишь, рожка-то от водки заплыла — глаз незнатко! Ох, страшно мнеченьки!

А бородач окинул взглядом бокс, увидел главного врача и без слов, сделав пару шагов, бухнулся ему в ноги, схватил за полы халата и по-бабьи запричитал:

— Виноватый я, ох и виноватый я! За всю жизнь столь не нагрешил, как за один день! И кому доверился — Тольке окаянному с его жабой! И перед детками её винюсь: простите меня за мамку вашу несчастную!

Ребятишки, только-только начавшие приходить в себя, узнали Петровича, но он так страшно причитал непонятное, что и детвора пустилась в рёв.

— Старика отсюда уведите! — приказал главный.— Лучше в мой кабинет... Да водой отпоите, что ли...

— Ну как, полегчало? — спросил главврач, заходя в свой кабинет.

Старик как будто и успокоился, но стакан с недопитой водой ходуном ходил в его руке.

— Умойся, отец. Вот тебе кран с водой, вот тебе полотенце. Умойся. Потом поговорим.

Старик послушно пополоскался под краном, скомканным полотенцем прошёлся по лицу и бороде и уселся на прежнее место около стола.

— Эти дети тебе родня, отец?

— Нет,— мотнул головой Петрович.

— Ты их знаешь?

— Знаю, сынок, знаю...

— Чего ты хочешь сейчас? Зачем приехал?

Старик снял шапку, помолчал, потом почти шёпотом, едва слышно:

— Мать я ихню хочу забрать, котору волчица загрызла. Похороню как следоват... И за могилкой, пока живой, ходить стану... Нету у неё больше никого, кто бы... И ребят не брошу, не дам в приют заховать...

Старик потянулся к стакану с водой. Врач уже всё понял.

— Спасибо тебе, отец, за сердце твоё большое...— тут и у самого врача глаза завлажнели.— Настоящий ты человек, таким памятники надо ставить... Только вот хоронить-то нам некого: жива твоя знакомая. Спасли её старое пальтишко на двойном ватине да шалька густая, вокруг шеи намотанная. Лицо-то она в снег прятала и рукавицами закрывала. Вот руки да ногу одну порвали ей волки. Да не волки, а одна зверюга набросилась на неё, здоровая, говорят ребятишки. А двое, что поменьше, скалились да рычали, а подступиться к человеку боялись: не знали, видать, не научены, что бывает такая добыча. Молодняк с волчицей, наверно... Самца, скорее всего, охотники того... Раны у твоей знакомой мы залечим. Где заметны будут, где не очень... В общем, ещё замуж выдавать будешь.

— А правду ли говоришь?

— Да правду, правду, отец!

— Ну, тогда покажи мне Екатерину!

— Спит она, уколы ей такие сделали... Приезжай завтра...

А назавтра с утра случилось чудное-небывалое: всю жизнь тихий, Петрович в кровь расхлестал физиономию Тольке «окаянному» и «хозяину» сельсовета пригрозил расстрелом, если с Катериной что худое случится. Заявлений в правоохранительные органы на Петровича никто почему-то не настроил. А Колька рыжий как сквозь землю провалился.